

Ключові слова: пам'ятки Київської Русі XI – XIV століть, іменники зі значенням “прикраса”.

*Summary. Nouns with a peripheral meaning “decoration” in writing texts of XI – XIV centuries
In the article we examine nouns with peripheral meaning “decoration”, which are fixed in written language of XI–XIV centuries.*

Keywords: texts of Kyiv Russ of XI – XIV, nouns with a meaning “decoration”.

УДК 821.161.2_34 Р

Сливачук В.А.

ЛЮБОВЬ, СЕМЬЯ И БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ МАЛОГО ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА)

Пантелеймон Сергеевич Романов (1885-1938) – писатель необычной творческой судьбы. Большой вклад в литературу он сделал благодаря огромному художественному багажу. П. Романов пользовался широкой известностью, любовью и почитанием читателей на протяжении 1920-х годов. Именно в этот период он пишет рассказы о любви, которые в 1925 году выходят сборником.

Следует отметить, что литературный процесс 1920-х годов – сложный и противоречивый сплав различных художественных явлений. В советских периодических изданиях 1920-х годов наблюдается вспышка интереса к теме новых семейных отношений, строительству быта, к тем вопросам, которые в современном научном дискурсе получили название гендерной проблематики. Мощный посыл для развития и разработки указанных проблем был дан общественной деятельностью и работами члена первого советского правительства Александры Михайловны Коллонтай, посвященными женскому вопросу и женскому движению.

Ею была разработана социальная теория, получившая впоследствии название “Теории стакана воды”. Основные положения этой модели отношений между полами стали известны широкой общественности после выхода статьи “Дорогу крылатому эросу!”, опубликованной в журнале “Молодая гвардия” в 1923 году. В “сложном деле” революционного движения А. Коллонтай видит место только для “бескрылого эроса”, мимолетных любовных связей, так как на психологическое познание друг друга нет времени. В условиях нового режима писательница уже допускает возможность для “крылатого эроса”, долгого глубокого чувства. Выше эротической любви как индивидуалистического проявления человеческой природы ставится любовь к коллективу, к обществу. Оно, по Коллонтай, должно занимать первое место среди остальных эмоций человека.

Именно с публицистических работ А.М. Коллонтай в журнале “Молодая гвардия” появляется целый комплекс текстов, связанных с семейными и интимными отношениями, с проблемами детей и юношества, любви и быта.

В это время в печать выходят романы Б. Пильняка “Голый год”, И. Рудина “Содружество”, Л. Гумилевского “Собачий переулок”, повести С. Малашкина “Луна с правой стороны”, Ю. Либединского “Завтра”, Б. Пильняка “Иван-да-Марья”, рассказы Б. Пильняка “Рождение человека”, П. Низового “Язычники”, П. Романова “Любовь”, “Без черемухи” и “Суд над пионером”, А. Платонова “Антисексус”, Б. Пильняка “Рождение человека” и др., созданных в контексте споров о свободной любви.

И Б. Пильняк, и П. Романов, и А. Платонов и другие вышеперечисленные писатели видели в животрепещущем в 1920-е годы вопросе и социальную сторону, и общечеловеческую проблематику. Их обращение к теме свободной любви свидетельствует о ее крайней актуальности и злободневности в этот исторический период.

Для П. Романова было очевидно, что вечные пороки человеческой личности на фоне советского быта приобрели новые очертания. Обличению человеческой глухоты, безнравственности посвящены его рассказы о бытовой стороне советского общества, где остро стоял вопрос о пользе интимных отношений.

Наибольшего шума наделал рассказ “Без черёмухи” (1926), которому было посвящено немалое количество критических отзывов в прессе, что благоприятствовало всеобщей, тогда почти скандальной известности П. Романова. Автора ругали, с ним спорили, его обвиняли, его

благодарили. Так, критики Д. Горбов и А. Цинговатов [3; 17] отрицательно и резко критикуют рассказ “Без черемухи”. Последний из них отмечает: “Рассказ написан плоско, художественно неубедительно, подход к теме мещански-убогий, вульгарный” [17, 5]. В более спокойном тоне давал свою оценку А. Лежнев [6, 52–53], а Вяч. Полонский, хотя и отмечал некоторые художественные просчеты Романова, поддерживал его идейные позиции [10, 3].

Рассказ П. Романова “Без черёмухи” стал “знаковым событием в истории советской литературы – представляет собой исповедь девушки, которая потеряла невинность с неким мало знакомым молодым человеком” [2, 235]. После этой встречи героиня остается опустошенной и разочарованной, потому что ей хотелось, чтобы “первая любовь была праздником, дни этой любви чем-нибудь отличались от других, обыкновенных дней” [2, 235]. Тем более, что к этому располагала и сама природа, которая проснулась после долгой зимы и весна принесла не только пробуждение природы, но и разбудила желание любить и быть любимым и душа стала открытой к любви.

Девушка и парень впервые шли в сумерках вместе, над городом спускалась вечерняя тишина. Все звуки становились мягче, воздух – прохладнее и из скверов тянуло свежим весенним запахом сырой земли и хотелось чего-то возвышенного, нежного. Он предложил зайти к нему, но она отказалась, и они пошли к набережной, где несколько времени стояли у решетки. В это время подошла девочка с черемухой, и девушка купила ветку, а он при этом стоял, прищурившись, затем спросил: “Без черемухи не можешь?” [12, 188]. Девушка ему ответила, что с черемухой лучше, чем без нее. Он, неприятно засмеявшись, добавил, что он всегда без черемухи, и ничего, недурно выходит, “ведь все ровно это кончается одним и тем же с черемухой и без черемухи... что же канитель эту разводить?” [12, 189].

Такое поведение парня обусловлено той атмосферой, которая царил среди молодёжи университета. Они не ценят красоты, так как у них “принято относиться с каким-то молодецким пренебрежением ко всему красивому, ко всякой опрятности и аккуратности, как в одежде, так и в помещении, в котором живешь” [12, 186]. Молодежь не интересуется человеческая душа, так как в их “внутренней жизни царит грязь и беспорядок” [12, 186]. Студенты говорят нарочно развязным, грубым тоном, с хлопаньем руками по спине и признают только лишь самые скверные ругательства, которые в них имеют все права гражданства, поэтому, когда некоторые девушки возмущаются, то их начинают “приучать к родному языку” [12, 187]. Им безразлично всё красивое, чистое и здоровое и это приводит к тому, что они оскверняют помещения, в которых проживают и те высокие чувства, которые человек испытывает в редкие минуты своей жизни. В их интимных отношениях существует “молодечество, грубость, бесцеремонность, боязнь проявления всякой человеческой нежности, чуткости и бережного отношения к своей девушке” [12, 187], и все это из-за боязни выйти за пределы неписаной морали. Тем более, что “любви у них нет, а есть только половые отношения, потому что любовь презрительно относится к области “психологии”, а право на существование имеет только одна физиология. Поэтому девушки легко сходятся с товарищами-мужчинами на неделю, на месяц или случайно – на одну ночь” [12, 187]. Любовь у них не чистое, нежное, трепетное чувство, а лишь плотское удовлетворение, потому что “на всех, кто в любви ищет чего-то большего, чем физиология, смотрят с насмешкой, как на убогих и умственно поврежденных субъектов” [12, 188].

Девушка осуждает такой тип поведения и восстаёт против него. Но не может понять, почему “что-то гложет ее, – неясно, смутно и неотступно” [12, 186], ведь она далека от “сентиментов” (как любит говорить ее парень), далека от сожаления о потерянной невинности, а тем более – от угрызения совести за свое первое “падение”. Но когда она смотрит на смятую веточку черёмухи, которая стоит “на окне общежития в бутылке с отбитым горлом” [12, 185], осознаёт, что “она что-то единственное в жизни сделала совсем не так...” [12, 185].

А начиналось всё ведь также, как у всех. Она “познакомилась с одним товарищем с другого факультета” [12, 185]. Он был обыкновенным студентом, “в синей рубашке с расстегнутым воротником, в высоких сапогах” [12, 188], однако он привлек ее внимание глазами, так как в них отражалась и большая серьезность и большое спокойствие. “В нем как бы было два человека: в одном – большая серьезность мысли, внутренняя крепость, в другом – какое-то пошлое, раздражающее своей наигранностью гарцевание, стремление высказать презрение к тому, что другие уважают, постоянное желание казаться более грубым, чем есть на самом деле” [12, 188].

Окончание так и не начавшегося романа между девушкой и парнем принёсло лишь разочарование и опустошение девушке и плотское удовлетворение парню. Возвышенности и красоты не получилось, ведь стремления у героев были разными.

Мотив двойственности человеческого существа, использованный Романовым, нацеливает читателя на то, что сюжет рассказа протекает в двух формах: внешне событийной и внутри психологической. Сфера конфликта переносится из сферы внешних столкновений во внутри психологическую.

Развитие действия происходит в двух формах. Цепь внешних событий можно проследить по эпизодам, рассказанных девушкой. Но внутри психологические баталии прослеживаются лишь по отдельным эпитетам, которые девушка подбирает, повествуя о своих чувствах, переживаниях.

Романов точно предусмотрел, во что может превратиться “советская молодежь”, которая забыла о боге, о душе, которая не ценит прекрасное и отказывается от искусства. И поэтому неудивительно, что во времена Романова к его рассказу относились отрицательно и критиковали. Немало в творческой судьбе рассказа сыграло и то событие, что троцкисты использовали этот рассказ “в своих антипартийных целях и подняли на щит указанное произведение как якобы правдивое, отражающее подлинную действительность” [5, 97]. Общественность считала, что автор пытался “оклеветать советскую молодежь и представить ее в искаженном виде” [4, 183].

Для более точного и объективного определения идейной сущности рассказа “Без черемухи” необходимо обратить внимание на те средства сюжетостроения, которые нацелены на внутри психологическую характеристику персонажей, их действий, поступков. Романов с этой целью использует ретардацию и ретроспекцию. Указанные приемы приостанавливают динамику сюжетного развития, предоставляя возможность героям и читателю всесторонне оценить происходящее. Основной смысл творимой реальности можно свести к следующему. Советская власть, правительство большевиков, отталкиваясь от вульгарного марксизма, освобождала жителей нового типа государства от каких-либо моральных обязательств. Внимание акцентировалось на материальном, функционально и жизненно необходимом. Как уже говорилось выше, наиболее ярко подобные идеи прозвучали в нашедшей в те годы статье А. Коллонтай “Дорогу крылатому Эросу!” (1923). А доведены эти идеи до абсурда в брошюре “Революция и молодежь” (1924), которую выпустило в свет издательство Коммунистического университета им. Свердлова. В ней “были сформулированы 12 половых заповедей революционного пролетариата. Вот лишь два пункта. Заповедь 9-я: “Половой подбор должен строиться по линии классовой революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально-полового завоевания”. И следующая заповедь: “Не должно быть ревности” [1, 259]. Произошла потеря сакрального (М. Бердяев), возвышенного, внутренне важного. Писатель, обрисовав типичную ситуацию, наметил возможную перспективу развития людей и общества при забвении духовного. Финал такого развития ожидается трагический. “Пронзительная зоркость авторского взгляда” [14, 202] в рассказе “Без черемухи” была отмечена А. Солженицыным.

Романов одним из первых уловил назревание кризиса, связанного с мутацией нравственных принципов, внедрением общественного в частную жизнь. Писатель видит, что постулат о свободе женщины часто позволяет скрывать распущенность и продажность.

В рассказе “Любовь” 1925 года он берет за основу сюжета известную литературную схему: противопоставление “порока” и “поруганной добродетели”, но по-новому наполняет ее. Клишированность, подчеркнутая автором банальность фабулы рассказа, характерная скорее для жанра любовного романа, играет особую роль в поэтике произведения, подчеркивая, с одной стороны, типичность событий, описанных в рассказе “Любовь” и вводя мотив пошлости в сюжетную структуру, с другой стороны.

В рассказе оба персонажа происходят “из честных буржуазных семей” [11, 270]. “Она – робкая трепетная голубка, отстаивающая святость первой брачной ночи” [16, 9], которая “каждое утро и вечер горячо молилась у своей белой девичьей постельки и боялась всяких грехов” [11, 270]. “Он – упорный, резкий, отрицающий “чувства” [16, 9], а также “трезв, положитель и практичен” [11, 270]. “Он гордился тем, что сбросил всё это с себя, ходил в высоких сапогах и косоворотке, говорил грубым тоном и, казалось, делал всё то, чтобы не походить на людей той среды, из которой он вышел” [11, 270]. Они не могут пожениться, потому что у них нет денег, поэтому “венчаться они решили, как только продадут старинные канделябры и венецианские стаканы, которые были единственным приданным невесты” [11, 270]. Для осуществления задуманного они уезжают в Москву. Но пребывание в Москве на протяжении пяти дней результатов не принесло: ни стаканы, ни канделябры так и не были проданы. И лишь на шестой день девушка, освободившись, как её уговаривал жених, от “своей “духовной” [11, 275] точки зрения, и отдавшись незнакомому мужчине, смогла продать канделябры за “двадцать червонцев” [11, 278]. Но узнав всё, жених, к удивлению девушки, сердится, возмущается и презирает её, а в его глазах она “уловила что-то жестокое, злое и чуждое” [11, 279]. Он решает, что она ему “больше не нужна” [11, 280] и между ними “всё кончено” [11, 280]. Поэтому они уезжают обратно в родной город, но по дороге к дому он “с остывающим раздражением” [11, 280] спрашивает девушку: “А стаканы никому там не нужны?” [11, 280].

Финал рассказа открыт и предполагает продолжение, так как ответ девушки: “Стаканов я не предлагала” [11, 280] располагает читателя к домыслению ситуации. Конфликт рассказа переходит во внутри человеческую сферу.

Девушка в начале рассказа предстаёт перед читателем как наивный и чистый душой ребёнок “со своими большими детскими глазами” [11, 270], в “золотистой головке” [11, 270] которой “остались в неприкосновенности все предрассудки предков” [11, 270]. Но с развитием сюжета, в финале образ девушки видоизменяется после “падения”. Это уже “покорная рабыня” [11, 280], которая сама “несла за ним свой чемодан, не утирая катившихся по щекам крупных детских слёз” [11, 280]. Она – “убитая, растоптанная, любящая, ждущая малейшего жеста к ней” [11, 280] – стала не нужна ему. И даже её прикосновение к его рукаву, вызывает у него презрение и досаду. Ведь он – “раздражённый, взбешённый, с гадливостью отстраняющийся от неё” [11, 280] – позабыл всё, что говорил ей во время пребывания в Москве, когда уговаривал её посмотреть на мир не “с своей “духовной”, а с физиологической точки зрения” [11, 275–276].

Рассказ “Любовь”, как и сборник “Рассказы о любви”, в который он входил, был встречен разноречивыми оценками в прессе. Они были в основном резко критическими, но Н. Н. Фатов дал высокую оценку рассказу. Он считал, что “Романов сумел бесподобно передать тончайшие психологические извивы и перебои чувства, сообщить читателю немало мопассановски-глубоких наблюдений” [15, 163].

Не понял направленности этой темы у Романова один из самых известных критиков того времени А. Лежнев. Он писал: “Эти рассказы заставляют опасаться за писателя...”

П. Романов зарекомендовал себя рядом хороших бытовых рассказов с сатирической окраской и великолепным диалогом. Сатира его держится на грани между собственно сатирой и юмором ... убедительность изображения обывательщины, обломовщины, остроумие, простота языка и построения сделали за короткое время Романова одним из наиболее читаемых авторов. Вещи, вроде “Рассказов о любви”, способны только дискредитировать Романова, свести его, как серьезного писателя, на нет. В них – ни одного свежего слова, ни одного незатасканного положения. Это – смесь Арцыбашева с Куприным, к которой прибавили искаженного обаналенного Мопассана. Еще первый рассказ “Любовь”, пожалуй, приемлем, если не по языку, так по замыслу и построению” [7, 119–120]. Критик не заметил, что в рассказах о любви отразилась позиция человека, который не принимает “свободных отношений”, понимаемых молодежью как духовная свобода, как отказ от нравственных норм старого мира.

И если в рассказе “Любовь” мужчина отталкивает от себя любимую женщину лишь потому, что она “пала” нравственно, последовав его наставлениям, то в рассказе “Родные души” (1931) герой, “охваченный ужасом” [13, 418], убегает “в другую сторону, с тем чтобы никогда больше не встречаться и не писать” [13, 418], когда увидел физическое уродство девушки-горбуни “с длинными, как у обезьяны руками” [13, 418], которую он полюбил за теплоту и нежность её писем. И в том и другом случае “физическая” неприглядность женщин отталкивает мужчин, которые, сами того не понимая, ценят именно “духовное” в своих избранницах.

В. Львов-Рогачевский отмечал, что Романов “рисует людей, живущих без любви, подменяющих живую, прочную, товарищескую связь грубой физиологией и зоологией. В этих рассказах и очерках наряду с чеховски-нежным лиризмом встают грубые черты натурализма наших дней” [9, 19].

Своеобразным продолжением проблематики поднятой в рассказе “Любовь” является рассказ “Суд над пионером” (1926), в котором события разворачиваются в пионерском лагере. Здесь состоялся суд над пионером. Пионер Чугунов обвинялся в “систематическом развращении пионерки Марии Голубевой” [12, 248]. “Развращение” выражается в том, что он постоянно провожал Голубеву из школы домой, подавал ей, как “барышне” руку при переходе через ручей, держал её сумку и читал какие-то стихи. Этим он уронил достоинство отряда, предпочтя читать стихи не отряду, “не коллективу, а своей даме” [12, 249]. И пионерский судья говорит подсудимому: “Если она тебе нужна была для физического сношения, ты мог честно, товарищески заявить ей об этом, а не развращать подниманием платочков, и мешки вместо неё носить” [12, 250]. Приговор суда оглушительный: исключить Чугунова из пионеров, а девушку предупредить. Со всей циничностью звучит “психологическая” мотивировка судей” [8, 61]: “любовью пусть занимаются и стихи пишут нэпманские сынки, а с нас довольно здоровой потребности, для удовлетворения которой мы не пойдем к проституткам, потому что у нас есть товарищи” [12, 251]. “Любовь есть то же, что религия, т.е. дурман, расслабляющий мозги и революционную волю” [12, 251]. “Классовая сакраментальность всей тирады, её перевернутая психологическая смысловая метафоричность полны скрытой социальной сатиры, ибо разоблачают зачинщиков грязного дела, а не “подсудимого” [8, 61]. Поэтому суд есть тем центром, благодаря которому раскрывается сущность пионерской организации, которая создала атмосферу слежки и доносительства под флагом борьбы против буржуазной морали. Именно суд выявляет далеко не лучшие человеческие качества пионеров – нетерпимость, предательство, стадность, которые они представляют нравственными добродетелями. Солженицын замечает “Фарс? Нет. Истинная картина, живые Двадцатые годы! – и не будем притворяться, забывать их” [13, 202].

Рассказ был встречен резкими критическими отзывами. Рецензии, появившиеся в центральных газетах и журналах (“Труд”, 1927, 27 февраля; “Комсомольская правда”, 1927, 1 марта; “Красная газета”, 1927, 2 апреля, “На литературном посту”, 1927, №4 и др.), почти единогласно осудили рассказ как искажающий действительность.

Рассказ Романова в гротесковой, гиперболизированной форме дал модель вульгарно понятой классовой борьбы, распространенной на быт, мораль, идеологию. Больше того, писатель показал, как какая-то общественная группа, сконцентрировавшая в своих руках власть и узурпировавшая право решения всех проблем и вынесения единственно справедливого приговора, может творить произвол и извращать существо любых человеческих поступков и любых проявлений действительности.

Писатель показывает, как “высокая” идея о свободной любви и отмене женского рабства видоизменяется в уме обывателя, не имеющего устоявшихся нравственных ценностей. Для Романова чувство чистоты должно быть врожденным, оно противостоит пошлости окружающего мира, в то время как мелочность, низость человеческого духа дает возможность культивировать ложные ценности, ложную нравственность. В результате этого призывы к свободе любви оборачиваются продажностью чувств.

В произведениях П. Романова звучит мысль об антигуманности любых навязанных ложных ценностей. От проблемы повсеместной декларации “свободной” любви эти писатели переходят к размышлениям об исчезновении из современности 1920-х годов понятий “нравственность” и “духовность”, о вреде тоталитаризма в целом.

Список использованных источников

1. Безелянский Ю. Н. Вера, Надежда, Любовь... Женские портреты / Ю. Безелянский. – М. : Радуга, 1998. – 480 с.
2. Беззубцев-Кондаков А. Любовь без черёмухи / Александр Беззубцев-Кондаков // Урал. – 2006. – № 6. – С. 229–242.
3. Горбов Д. [“Молодая гвардия”, 1926, №6,7] / Д. Горбов // Красная новь. – 1926. – № 10. – С. 236.
4. Иванов В. И. Из истории борьбы за высокую идейность советской литературы. 1917–1932 / В. Иванов. – М. : Гослитиздат, 1953. – 255 с.
5. Иванов В. И. Формирование идейного единства советской литературы. 1917–1932 / В. Иванов. – М. : Гослитиздат, 1960. – 375 с.
6. Лежнёв А. Быт молодёжи и современная литература. С. Малашкин. П. Романов. Л. Гумилёвский / А. Лежнёв // Красное студенчество. – 1927. – № 5. – С. 52–53.
7. Лежнёв А. Литературные заметки / А. Лежнёв // Печать и революция. – 1925. – № 8. – С. 119–120.
8. Логвин Г. П. Пантелеймон Романов (1885-1938) / Г. П. Логвин // Відродження. – 1994. – № 8. – С. 59–62.
9. Львов-Рогачевский В. Пантелеймон Романов / В. Львов-Рогачевский // Романов П. С. Русская душа. – Харьков : Пролетарий, 1926. – С. 5–20.
10. Полонский В. Заметки журналиста. О “проблемах пола” и “половой” литературе / Вяч. Полонский // Известия. – 1927. – 3 апреля. – С. 3.
11. Романов П. С. Без черёмухи / Пантелеймон Романов. – М. : Правда, 1990. – 464 с.
12. Романов П. С. Избранные произведения / Пантелеймон Романов. – М. : Худож. лит., 1988. – 400 с.
13. Романов П. С. Повести и рассказы / Пантелеймон Романов. – М. : Худож. лит., 1990. – 496 с.
14. Солженицын А. Дневник писателя : Пантелеймон Романов. Рассказы советских лет / А. Солженицын // Новый мир. – 1999. – № 7. – С. 197–204.
15. Фатов Н. Н. Литературно-художественный альманах “Прибой”. Книга 1. Ленинград, 1925 / Н. Фатов // Октябрь. – 1926. – № 1. – С. 162–164.
16. Фелер-Шпиковская Д. Рассказы о любви Пантелеймона Романова / Д. Фелер-Шпиковская // Жизнь искусства. – 1926. – № 21. – С. 9.
17. Цинговатов А. По журналам / А. Цинговатов // Учительская газета. – 1926. – 28 августа. – С. 5.

Анотація. В статті висвітлено особливості морально-побутових засад буття за допомогою сюжетно-композиційної організації матеріалу в оповіданнях П. Романова. В своїх творах письменник показує процес саморуйнування особистості в умовах нового революційного часу. Автор статті зосередила увагу на причинах, що призводять до втрати духовного людяноу.

Ключові слова: сюжет, оповідання, образ.

Summary. The article deals with the peculiarities of the moral ambush of the being thanks to the plot-composition organization of the material in the Romanov's short stories. The writer shows the process of the self-destruction of the personality in the conditions of the new revolutionary time. The author of the article focuses on the reasons, which cause to the loss of the heart by the people.

Key words: plot, short story, character.